

дети на пальцы моей руки, эти длинные трубки при малейшем движении извивались как змеи.

Я стал репетировать, но довольно быстро выяснилось, что номер не получается.

Во-первых, вся моя затея показалась мне плоской и нестроумной, во-вторых, женщина с ее длинными руками решительно отказывалась петь романс и стремилась танцевать. В танце ее руки принимали такие удивительные положения и были так выразительны, что не воспользоваться этим было бы просто обидно.

И тогда возникла мысль о «Хабанере».

Я быстро переделал куклу. Сделал моей женщине красную юбку, черную шаль, высокий гребень и алые губы. Нарисовал мужчине баки и надел на него плащ.

Репетировал я, вероятно, всего час, не больше, и в тот же вечер показывал новый номер на концерте.

С тех пор, вот уже много лет, если не на каждом концерте, то, во всяком случае, на большинстве из них, я исполняю «Хабанеру».

В чем же суть этого номера? В чем его тема? И если я называю его «негативом», то какого же автора я опрокидываю? Над Бизе и его прекрасной музыкой? Над новеллой Мериме?

Нет, я не смеюсь ни над Бизе, ни над Мериме. Во всяком случае, мне очень не хотелось бы, чтобы мои зрители восприняли это так.

Отчасти я смеюсь над либретто, над тем положением, в какое попал Хозе благодаря либреттисту оперы. Ведь в новелле Мериме Хозе и Кармен — это два очень сильных человека, две равнозначные и равноценные, хотя и

«Люб-о-о-о-о-вь...»

«Лю-ю-ю-бовь!!!»

